

Посвящается моему отцу

Лицо твое — пугающая маска —
Навеки ужасом искажено,
Ты стал теперь чудовищем из сказки,
Тебе пугать детишек суждено.

*Стихотворение неизвестного автора
об изуродованном лице, 14–18*

У чтения есть одно магическое свойство: оно позволяет двигаться во времени вспять. Ничто не мешает вам, уже приблизившись к концу книги, снова вернуться к первым главам и найти героев такими, какими они были час, месяц, а может быть, и годы тому назад.

К сожалению, в жизни все совсем не так. Что прошло — то прошло. Так уж устроено...

В этом повествовании, которое начинается в 6:30 утра в четверг, 3 мая 2007 года, а заканчивается, если не считать эпилога, около 9:00 во вторник, 15 мая 2007 года, время играет ведущую роль. Чтобы вы могли лучше оценить эту историю, вам очень важно обращать внимание на обозначения времени в начале каждой главы.

Вам предстоит пройти и пережить двенадцать дней и двенадцать ночей. И это будет билет в один конец: билет в ад.

Счастливого пути.

Франк Тилье

1

Четверг, 3 мая, 6:30

СОН ПЕРВЫЙ: Винные бутылки

Картинка у него перед глазами дрожала, то вырастая, то уменьшаясь. От этого дико ломило виски. Стефан остановился на середине лестницы и резко обернулся, прежде чем сбежать на первый этаж. Он нашарил выключатель в гостиной и несколько раз нажал. Но свет не зажегся. Не было света, были только кровавые следы, которые его пальцы оставляли на штукатурке. Мгновение он рассматривал свои руки, залитые красной жизнью, красной смертью, а потом снова помчался вниз по лестнице. Карманный фонарик вспарывал темноту. Собственное дыхание обжигало. Было больно. Было страшно.

Все стремительно промелькнуло у него перед глазами. Прямо перед ним, между колоннами, на стене, парадный портрет злобной и язвительной баронессы де Рей. Слева прелестная вьетнамская фарфоровая статуэтка, которую

он снес одним движением локтя. На плиточном полу вскрытые упаковочные коробки, груда чемоданов, раскрытый сапожный нож...

Он бросился к двери и одним махом пролетел восемь ступенек, ведущих в подвал. Редкие окна этой холодной части огромного дома находились как раз на уровне сада, как иллюминаторы каменного корабля, идущего ко дну. В ранний утренний час окна пропускали лишь призрачный свет. Потом луч фонарика отразился в зеркале. Стефан замер. Пальцы его потянулись к трем глубоким царапинам на лице и скользнули вверх, к заплывшему, слезящемуся левому глазу.

В глухой ярости он саданул кулаком по зеркалу. И его отражение в рыбацком непромокаемом костюме цвета хаки взорвалось, словно граната.

Он побежал дальше по коридору, вдоль идущих по стенам труб. Желтоватый луч фонарика выхватывал из темноты ряды мясницких крюков, свисавших с потолка. Справа громоздилась груда каких-то бесформенных волосатых предметов, брошенных на съедение времени.

Головы. Десятки отрубленных голов, десятки застывших в последнем крике лиц.

Стефан в тревоге посмотрел наверх. На первом этаже раздался шум, затопали легкие шаги, кто-то пробежал. Он обернулся, и от него с шипением быстро метнулась в сторону какая-то тень. Кот, его собственный кот не узнал хозяина.

Гонимый страхом, он помчался мимо полутемных комнат, возникавших то справа, то слева. В одной были собраны глазные яблоки, стояли банки с ногтями и прозрачные пакеты, туго набитые волосами. В другой были расклеены афиши фильмов: «Муха» Кроненберга, «Техасская резня бензопилой» Хупера, «Кошмар на улице Вязов» Уэса Крейвена.

Ну вот он и добрался. Вот она, предпоследняя комната. Перепрыгнув через провода, угольные брикеты и битые

кирпичи, он бросился к винным бутылкам. И все остальное вокруг него исчезло: не было ни побега, ни смерти, ни крови. Сейчас самое важное — как стоят бутылки.

Стефан застыл перед стеллажом с алкоголем. Луч фонарика осветил первый ряд, и с особой тщательностью — то место, где находилось бордо урожая 1996 года. Во втором ряду стояли бутылки с бургундским урожая 1999 года.

Бордо сверху, бургундское снизу.

Не может быть.

Он взгляделся еще раз. Бордо сверху, бургундское снизу.

Тогда фонарик выпал у него из руки и снизу, с полу, осветил следы от укусов на правом предплечье. Один след был лиловым, почти черным. Видно, игла сломалась и застряла в теле.

В отчаянии он упал на колени, застонал, как загнанный зверь, и заплакал, уткнувшись лбом в землю, набрав пыли в нос и рот. А потом вдруг вскочил от внезапно охватившей его ярости.

Стефан шагнул к стопке угольных брикетов, на которой лежал кусочек мела, схватил его и принялся вслепую что-то писать на кирпичной стене. Какие-то слова, фразы, еще и еще.

— Когда? Когда же ты все это прочтешь?

Мел быстро раскрошился, и под конец Стефан, казалось, писал голыми пальцами.

Он не увидел, не услышал, как в этот момент у него за спиной возникла чья-то массивная фигура и направила на него пистолет.

Цикл повторился.

2

Четверг, 3 мая, 6:32

Стиснув зубы, Вик Маршалль нажал кнопку мобильного и отсоединился. В темноте маленькой спальни он ощупью нашарил рубашку, черные джинсы, ремень «Леви Страус», кожаную кобуру, висевшую на ручке гребного тренажера, и открыл дверь в гостиную. Волна мягкого света залила линолеум. Булонь-Бийанкур¹ просыпался под утренним солнышком.

— Звонил Мортье, — сказал он, услышав, что кровать скрипнула.

— Ну и?..

— Хочешь знать, что сказал напоследок этот придурок?

Голос его стал строже и суше:

— «Давай шевелись, V8, дел невпроворот. Но сначала я бы тебе посоветовал как следует позавтракать».

— V8?

¹ *Булонь-Бийанкур* — один из самых густонаселенных западных пригородов Парижа. (Здесь и далее примеч. изд.)

Вик в полутьме натягивал джинсы.

— А я тебе не говорил?

— Ты вчера поздно вернулся...

— Это их последняя хохма, они меня так прозвали. V8 — восьмицилиндровый двигатель, где куча клапанов¹.

Селина зажгла ночник, села на постели и откинула набок длинные черные волосы. Вик смотрел на нее с нежностью. Он любил это чисто женское движение, неуловимый поворот головы, который делал ее такой желанной. Она потянулась, как кошка, подняв руки ладонями к потолку.

— Все путем?

Вик перешагнул через пока не вскрытую коробку с детской коляской, обогнул мраморный шахматный столик и присел на постель рядом с Селиной.

— Несмотря на мерзкую тесноту?

— Несмотря на мерзкую тесноту.

— Нынче знаменательный день. Они подключают меня к делу. Настоящее кровавое преступление в Сент-Уан. Похоже, что...

Перехватив тревожный взгляд жены, он предпочел сменить тему:

— Ты не знаешь, где мои кроссовки?

— Кроссовки?

— Они все носят кроссовки, вся бригада. И постоянно меня подкалывают, все не могут решить, какое у меня будет прозвище: V8 или Малдер.

— Тебе незачем под них подстраиваться в одежде, милый.

— Я просто хочу прижиться в бригаде, только и всего.

Он наклонился и ласково погладил Селину по животу:

— Сегодня ночью я почувствовал, как она шевелится.

Ты прижалась ко мне, и эта разбойница пару раз лягнула меня в спину.

¹ Здесь игра слов: по-французски *piston* может означать и *клапан*, и *блатной*, взятый на работу по блату. Коллеги будут дразнить новичка *блатником*, потому и придумали такое прозвище.

— Вик... У меня срок всего четыре месяца, ты ничего не мог почувствовать. Говоришь, разбойница?

— Только девчонки начинают так рано лупить папочку. Еще не родилась, а уже прямо тигрица.

— Это будет мальчик.

Кончиком указательного пальца Вик обвел контур ее груди.

— Но ведь есть же результаты УЗИ, — шепнул он. — Этого достаточно...

— Нет! Надо подождать! Да и все равно ничего там не видно!

— Мне, наверное, будет тебя ни за что не убедить, даже такую полусонную.

Она приподнялась и принялась тереть волосы у него на груди. Он смотрел на ее тонкие, длинные руки. Ему нравилось за ними наблюдать и угадывать по их движениям все ее тайные намерения.

— Знаешь, я передумала насчет имени, — прошептала она.

— Ну-ка, ну-ка.

— Как думаешь, может быть, назвать его Тао, как моего деда?

— Тао? Это ты сегодня ночью придумала?

— Ага, странный сон приснился. Тао по-вьетнамски значит «созидание».

Он крепко прижал ее к груди:

— Хм... Симпатичное имя, Тао, такое мягкое, кругленькое, нежное... Его можно будет переделать в Тео или в Матео. Но все это напрасные хлопоты, потому что будет девочка.

Селина расплылась в улыбке, которая как-то слишком быстро потускнела. Словно защищаясь, она натянула на себя простыню. От матери-вьетнамки она унаследовала маленький рост, холодноватый блеск длинных черных волос, лукавые глаза и мягкий овал лица.

— Мне страшно, Вик.

— Ну пожалуйста, перестань психовать. И уж тем более не с утра.

— Да, но все это так... Крошечная квартирка, а снаружи людская толкотня. Как в огромном курятнике.

— А ты что-то имеешь против кур?

Она тихо ответила:

— У меня нехорошее предчувствие, и оно касается ребенка.

Он нежно взял в руки ее маленькие кулачки:

— Предчувствие... Опять...

— Что бы ты ни говорил, а мне все равно так кажется.

Селине все время хотелось, чтобы ее успокаивали. Она с самого начала переживала свою беременность как испытание, как крест, который надо нести. «Ребенок не шевелится, ребенок не дышит, он, наверное, родится неполноценным». Тогда Вик принялся тихонько, нараспев ее уговаривать:

— О'кей, значит, надо сделать еще одно исследование. В четыре месяца бывает, что на УЗИ косточки носа не просматриваются. Маленький укол в живот, чтобы набрать чуть-чуть околоплодной жидкости и удостовериться, что у плода нет врожденных заболеваний. Они же не станут протыкать ему голову или дырявить желудок. В наше время почти все мамочки через это проходят. Договорились?

— Всегда есть крохотная вероятность, что что-то пойдет не так.

— Но она ничтожна!

— Ты отвезешь меня в понедельник?

Вик чуть отстранился:

— Посмотрим, малышка, если смогу. Я ведь всего три недели на службе. Представь себе, что будет, если не явлюсь!

— Значит, не отвезешь. Ладно, понятно. Твои кроссовки в стенном шкафчике в ванной.

И Селина погасила ночник.

Вик хотел было снова начать разговор, но вместо этого вышел ссутулившись. Лучше будет оставить все как есть.

Он закончил одеваться, поднял жалюзи и выглянул в окно. С высоты четвертого этажа была видна Сена, телебашня Первого канала и целая армада безликих домов. Странное полотно, сотканное из стали и бетона. Вик надел кобуру и сунул полицейское удостоверение во внутренний карман куртки. В ванной он снова достал из кобуры свой «зиг-зауэр»¹, несколько раз нажал на курок и скорчил зверскую гримасу, а потом, не удержавшись, завел руку с пистолетом далеко назад и, стиснув зубы, беззвучно заорал.

Потом погасил свет и снова вошел в спальню:

— До вечера, малышка.

Он наклонился, чтобы поцеловать жену, но она отвернулась. От ее кожи исходил аромат южного солнца.

Вик вышел, ощутив тревожный укол в сердце. Селина останется до вечера в этой тесной конуре и весь день будет размышлять в одиночестве. А потом пролетят пять месяцев, и настанет пора рожать, и на свет появится новая жизнь.

Майор Мортье настоятельно советовал ему плотно позавтракать. Но Вик не последовал лукавому совету: не хватало еще, чтобы его вырвало на месте преступления.

¹ «Зиг-зауэр» — тип пистолета на вооружении французской полиции.

3

Четверг, 3 мая, 6:50

Стефан Кисмет сунул лицо под холодную воду, чтобы удостовериться, что окончательно проснулся. Он внимательно осмотрел правое предплечье перед зеркалом в ванной и не увидел никаких следов от уколов. И никаких царапин и синяка под глазом. Он натянул джинсы, футболку и пуловер, такой же черный, как его длинные, спадавшие на спину волосы. Было начало мая, и мрачные стены дома оживляли лучи весеннего солнышка. В глубине гостиной Стефан включил на полную мощность один из электрических нагревателей, а остальные, еще в упаковках, стояли возле переборки. Повсюду виднелись либо запакованные, либо едва распакованные вещи. Случившаяся катастрофа отбила всякую охоту навести порядок или украсить жилище.

Его жена Сильвия завтракала в одиночестве, склонившись над чашкой кофе. Свет с улицы золотил ее лицо. Окно у нее за спиной выходило на настоящую стену из дубов

и буков, охранявших лесное поместье в пятнадцать гектаров, расположенное в Ламорлэ на Уазе.

— Опять началось, — выдохнул Стефан.

Сильвия подняла усталое лицо:

— Где на этот раз?

— В мастерской, в подвале. Я проснулся на голой земле.

— В подвале... Ты опять меня оставил одну на всю ночь.

— Мне надо было закончить манекен Карлы Мартинес.

Это очень важная деталь для съемок в Сент-Уане, сроки поджимают. Я, должно быть, заснул прямо за работой и...

— Понятно... — сухо заметила Сильвия.

Стефан налил себе кофе и отпил глоток.

— Странно все это. Я ведь запомнил свой сон.

— Впервые за тридцать один год. И что тебе пригрезилось?

— Как тебе объяснить? Я словно все это действительно пережил. Все ощущения как наяву: звуки, образы, даже шум собственного дыхания. До сих пор мурашки по коже!

Сильвия быстро на него взглянула:

— Я задала тебе вопрос, но ты, как всегда, ушел от прямого ответа.

Она встала и поставила чашку в раковину. В углу кот самозабвенно лакал из миски молоко.

— Мне пора. Сегодня тяжелый день: надо обойти шесть адресов в Восемнадцатом округе. Раньше десяти вечера меня не жди.

Стефан поправил рукава пуловера и почувствовал, что захмелел от кофеина.

— Опять так поздно?

— Ну и что? Мы тут и так почти не встречаемся. В последние два месяца я все чаще себя спрашиваю, уж не перешла ли я в разряд призраков? — Она бросила на него суровый взгляд и прибавила, поджав губы: — Может, будь у меня голова одного из твоих монстров, ты бы уделял мне больше внимания?

Стефан пожал плечами. Сильвия нанесла удар, как молния, способная разрядить за какую-то долю секунды заряд в тысячи вольт.

— Дело не в этом. Просто мне нужно время, чтобы забыть.

— Забыть? То есть ты полагаешь, дело в том, чтобы забыть?

Стефан двинулся к ней, но она отошла к холодильнику, достала кусочек льда и осторожно провела им по губам.

— Твои таблетки на буфете, — сказала она, глядясь в карманное зеркальце и поправляя макияж. — Я там кое-что оставила в холодильнике на обед, так постарайся все-таки поесть.

Никакой реакции. Стефан не шевелясь впился глазами в свои костлявые руки, и в глубине мутных зрачков мужа Сильвия уловила нечто гораздо более серьезное, чем простая рассеянность. Эту наползающую тень она видела уже много раз и всякий раз пугалась.

Стефан принялся рассказывать:

— Нынче ночью на мне был рыбацкий костюм Поля, который мне сильно велик. Я этого костюма не видел уже лет двадцать, отец его где-то потерял. Я не помню ни его цвета, ни ткани и не уверен вообще, был ли он. И однако, я сразу узнал заржавленное кольцо на кармане, дырку на клапане и жирное пятно возле воротника. В один миг все это всплыло у меня в памяти.

— И что?

— И что?! Как такое могло случиться? Как я мог вспомнить такие детали, если я обычно забываю свои сны?

Он вдруг схватил жену за руку и потащил за собой.

— Ты чего? — вскрикнула Сильвия.

Они прошли через холл, он впереди, она за ним. Восьмиугольная комната, украшенная великолепными резными балясинами, была самым сокровенным местом в доме, его душой.

— Вот здесь, точно, вот здесь стояла вьетнамская фарфоровая статуэтка. Фигурка сантиметров тридцать-сорок высотой, в длинной, до пят, одежде и в шляпе из пальмовых листьев. Я ее видел, вот как тебя сейчас, словно она всегда здесь была. И — бабах! Я ее разбил, зацепил неосторожным движением. У меня какое-то нехорошее, опасное чувство дежавю!

— У меня тоже ощущение дежавю. Хвост поезда в конце перрона и дура в деловом костюме, которая примчалась запыхавшись и все равно опоздала. Что мне говорить своим клиентам, чтобы объяснить опоздание?

Стефан выпустил руку жены и взгляделся в синеву ее глаз, где плясали золотистые искорки.

— Еще пару секунд. Только две секунды, ладно? Я должен... кое-что проверить... Припомни, как ты уложила в погребке винные бутылки, когда мы переехали.

— Бутылки? Зачем тебе?

— Пойдем. Это очень важно.

Она заколебалась, глядя на часы, потом все-таки пошла за ним следом. Они спустились в подвал, освещенный запыленными лампами.

— А в моем сне электричества не было. Я держал в руке фонарик, кстати не мой. И тут было... Ну да, восемь ступенек. Как я мог знать, что их восемь?

Сильвия вздрогнула. Она терпеть не могла спускаться в этот мрачный подвал, с его коридорами и зловещими комнатами, где Стефан оборудовал себе мастерскую. Все в этом доме было каким-то несоразмерно огромным. А она так любила Париж, с его шумом, с его огнями...

Она отозвалась в надежде, что звук собственного голоса придаст ей уверенности:

— Я тебе объяснить не смогу. Надо ехать во Вьетнам. Так вот, та самая статуэтка — это подарок, сувенир из тех, что тебе всегда нравилось привозить из отпуска. А про ступеньки и отцовский рыбацкий костюм почитай у Фрейда.

Может быть, твое подсознание вытаскивает на свет божий кучу деталей из прошлого. Черт возьми, да тут у тебя тонны старых книг, доказывающих, что ты гораздо больше моего знаешь и о Фрейде, и о снах, разве не так?

Они миновали зал, где Стефан держал старые манекены с разобранными телами и отвинченными головами, потом комнату, где хранились бумаги, касавшиеся кино: афиши, листки с титрами фильмов, рабочие чертежи, заезженные *Mad Movies*¹ и обрывки раскадровок. Потом они очутились перед закрытой дверью, где чернел омерзительный рисунок, сделанный угольным карандашом: ребенок с источенными болезнью ручками и ножками. Сильвия поспешно отвернулась. Дальше располагался «рабочий кабинет», а над входом в него висел плакат: «*Darkland*»². Стефан резко свернул в сторону и опустился на колени перед штабелем винных бутылок:

— Ты точно ставила бургундское 1999 года сверху, а бордо 1996 года — снизу?

Она не колеблясь ответила:

— Конечно. В соответствии со сроком хранения. А что?

Он осторожно взял бутылку бургундского, потом бутылку бордо, поменял их местами и задумчиво на них посмотрел, поглаживая отросшую бородку.

— А в моем кошмаре они стояли вот так.

— И это все? Это и есть то самое «очень важное»?

— Когда я увидел, что бутылки поменялись местами, я закричал и расплакался. Что это могло означать?

— Что ты не любишь, когда трогают твои бутылки и вообще когда лезут в твои дела. Что ты помешан на деталях, на совпадениях, что... эта твоя одержимость становится опасной. Ладно, я пошла!

¹ *Mad Movies* — жанр клиповой мультипликации, где в качестве материала для видеоряда используются фрагменты уже отснятых фильмов, произведений живописи, фотографий и т. д.

² «*Darkland*» («Страна Тьмы») — известная компьютерная игра, сочетающая в себе элементы квеста, «стрелялки» и ужастика.

— И еще... У меня были три глубокие царапины на щеке и подбит глаз. И кто-то целился в меня из пистолета, когда я мелом писал на стене.

— А что ты такое писал?

— Не знаю. Там было темно. Фонарик валялся на полу, и я как-то не подумал его зажечь.

— Вот уж действительно неприятность...

Сильвия поправила на себе бежевый английский костюм и зябко потерла плечи. Прямо перед ней в струе воздуха поблескивала паутина.

— Это всего лишь сон, Стефан. Нелепый сон, каких ты видел множество, разве что раньше ничего не помнил. Немудрено, что он тебе показался странным. Это... это потому, что ты впервые смог его вспомнить.

— Нет! Во сне окружающая обстановка постоянно меняется и невозможно сосредоточиться, читать, писать, считать. Это доказано исследованиями. Но я-то читал этикетки, я писал на стене, и все было логично и связно.

— При условии, что рыдать перед винными бутылками — вполне логичное дело. Я пошла. Не забудь про таблетки.

Стефан с вызовом выпрямился:

— Я больше не стану их принимать. Мне гораздо лучше.

— Лучше? Ты находишь? Никакого улучшения не было. Я не хочу еще раз пережить весь этот ад.

Стефан нахлобучил себе на голову латексную копию маски из фильма «Маска» и загоготал, подражая голосу Джима Керри:

— Нынче ночью, я обещаю, мы займемся любовью, моя цыпочка. Любо-о-овью, со всякими там *хо-хо*, *хи-хи* и *ха-ха!* — И вдруг оборвал маскарад. — Я что, действительно скверно выгляжу?

— Хуже некуда.

Она слегка отстранила его рукой:

— Раньше ты меня смешил, потому что все у тебя получалось легко, естественно, без напряжения. А теперь ты как

актер-неудачник, который силится побороть мандраж. До вечера.

Стефан так и остался стоять, словно налитый свинцом, с маской в руках. А за серым от грязи окном возле «ауди» появились стройные ноги жены. Когда хлопнула дверца автомобиля, он вдруг понял, что они его больше не интересуют. И *она* его тоже больше не интересуется.

И в наступившей сумрачной тишине он швырнул на стол зеленую маску. Включил вентиляцию, зажег мощные галогенные лампы и приголубил своих мрачных кукол:

— Ну как ты, приятель? А ты? А ты?

Поговорил с профессором Мабуловым¹, с Хищной Пастью. Последний монстр, получеловек-полузверь, обладатель огромной пасти (сто восемьдесят острейших зубов — это вам не шуточки), служил для съемок второй серии фильма «Нейронная атака». Немалое количество сделанных им муляжей теперь упокоилось в грузовых тележках. Так кончали жизнь киноперсонажи, впрочем, как и их создатели, в безмянных подвалах.

Среди всех манекенов был один, к которому Стефан относился с особой заботой: обаятельное создание точно такого же роста, как и он сам, то есть метр семьдесят девять. Чтобы его сделать, он снял маску со своего лица, засунув в нос соломинки, чтобы дышать, пока латекс стекал по гипсовым бинтам. А в открытом черепе монстра вместо мозга виднелось то же самое лицо, только поменьше. Этот персонаж в съемках никогда не участвовал.

Стефан назвал его Darkness. Тьма. Сумрак.

Его сумрак.

Он включил кофеварку, приготовил себе чашку кофе и уселся перед манекеном молодой женщины лет тридцати. Карле Мартинес в фильме «Кровавая лощина» любовник перерезает горло. Съемки шли уже две недели, и манекен

¹ Профессор Мабулов — персонаж фильма Жоржа Мельеса «Завоевание полюса».

надо закончить к понедельнику, то есть через четыре дня. В этой сцене камера наезжает и дает крупным планом сначала глаза, а потом глубокий надрез на шее. К этому моменту Карла Мартинес уже пять дней как мертва.

Значит, надо принять во внимание, что тело уже подверглось деформации и разложению из-за жары и насекомых. Быть гримером, мастером пластики, специалистом по муляжам означает разбираться в медицине, в патанатомии и в тонкостях судебно-медицинской экспертизы. Приходится коллекционировать фотографии трупов обоего пола, и худых и толстых, в разных стадиях разложения.

Стефан отодвинул в сторону электромиксер, машинку для стрижки и защитные маски, развернул полученную по почте афишу «Испорченной Милашки» Тода Браунинга с Лоном Чейни в главной роли и тщательно разместил телескопическую лупу напротив латексного бюста. Выпив кофе, он принялся под психоделические гитарные аккорды «White Zombie»¹ что-то выщипывать пинцетом из орбиты левого стеклянного глаза муляжа. Ставить на место ресницы было занятием деликатным и требовало немалого времени.

Зачесалось предплечье, и он машинально поднял рукав. Слава богу, никаких следов от уколов. Оторвавшись от работы, он открыл записную книжку, один из множества бесполезных подарков. Он регулярно получал от студии «ZFX Méliés Films» то карандаши, то записные книжки, то калькуляторы.

Когда у него появились приступы сомнамбулизма (а это началось лет с семи), врач посоветовал ему записывать свои сны в записную книжку. Но вот уже двадцать четыре года ее листки так и оставались пустыми.

В эту книжку он подробно записал весь свой кошмар. Ну, по крайней мере все, что запомнил. Измазанные кровью

¹ «White Zombie» — американская метал-группа, основанная в 1985 г. в Нью-Йорке. Специализировалась в жанре индастриал-грав-метал с лирикой, основанной на фильмах ужасов.

руки, спуск в подвал, царапины на лице. Ничего не упустил: число ступенек, расположение винных бутылок, вьетнамскую статуэтку, следы от уколов на правом предплечье. И вверху первой страницы вывел название сна: «Винные бутылки».

Потом перечитал то, что получилось. Какой же смысл таился в этом нагромождении несуразностей?

Ему вспомнилось последнее, что он сделал в подземелье. То есть не он, а его виртуальный двойник, но в конечном счете все-таки он: поднял с угольной кучи кусочек мела и принялся писать на кирпичной стене строки, которые нельзя было прочесть. Он все еще слышал скрип белой палочки по кирпичу.

Стефан встал, миновал вереницу масок и пошел по бесконечному коридору с плиточным полом и потрескавшимся потолком, утыканным мясницкими крюками. Он ничего не трогал в этом помещении, оставил все как было. Он и глаз-то положил на этот дом главным образом из-за мертвой зоны пустующего подвала. Здесь у него собственное ателье, здесь он дома, в спокойной колыбели леса. Истинное горнило вдохновения.

Вот и штабель угольных брикетов, он помнил, как перепрыгивал через запыленные куски угля. Но во сне эти куски были разбросаны по полу, а сейчас они лежали аккуратной кучкой.

И никакого мела. Но все-таки тягостное ощущение дежавю его не покидало.

Он машинально ухватился за край одного из ящиков с брикетами и вытряхнул его на пол, чтобы все было как во сне. И вдруг застыл на месте.

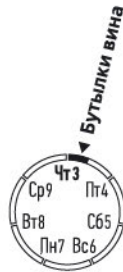
Там, посередине кучи.

Белая точка мела.

Значит, мел все-таки был.

Ошеломленный, Стефан подошел ближе.

Какого черта на самой макушке горки угольных брикетов торчал кусочек белого мела?

4

Четверг, 3 мая, 10:14

Вик ехал от Булонь-Бийанкур до Сент-Уан час с четвертью. На окружной дороге в районе станции метро «Порт Майо» грузовичок столкнулся с мотоциклом. Естественно, образовалась пробка, которая с невероятной быстротой перекрыла все подъезды к столице с запада. Вот за что он всегда ненавидел Париж.

Руль намок от его вспотевших рук. И никак не предупредить бригаду о том, что он опоздает. Батарейка его мобильного заряжалась очень быстро, а Вик, с тех пор как поступил на службу, все никак не мог найти время, чтобы ее поменять. Вот Мортье разорется... Скверное начало для боевого крещения.

Наконец GPS вывел его к фасаду какого-то пакгауза, приспособленного под мастерскую. Здание находилось на отшибе, вдали от главных улиц, рядом с киностудией «Календрум» и еще какими-то заброшенными домами. Повсюду работали разные подразделения полиции. Хлопали

крышки багажников, стрекотали раздвижные дверцы фургонов экспертной службы. Люди в разноцветной униформе — синей, белой, зеленой — исполняли свой печальный балет посреди серой и мрачной территории.

— Тебе «рикар»¹ с тремя оливками не подать?

Вик обернулся на голос лейтенанта Жоффруа, который с 1988 года служил в Первом дивизионе. С Жоффруа он сталкивался в полицейских участках в Божоне, в Восьмом округе, а потом на бульваре Бесьер, в Семнадцатом. Он был «из стариков», то есть человеком бывалым, — таких обычно относят к категории «необузданных, с которыми лучше не связываться».

— На Окружной случилась авария, и мой...

— Ты облажался, V8. А мигалка на что?

— Мигалка? Какая еще мигалка?

— Ладно, я понял.

— А что случилось?

— Некогда объяснять. Увидимся в отделении.

Жоффруа, затянутый в потертую кожаную косуху, бросил ему, садясь в машину:

— А обувь твоя никуда не годится.

Вик оглядел свои заношенные до дыр черные кроссовки и поплотнее запахнул куртку. Небо было свинцовое, а температура вовсе не радовала майской приветливостью. Это тебе не Авиньон, какие уж тут оливки.

Массивная фигура майора Мортье возвышалась у входа в пакгауз. Сегодня он явно был не расположен жевать любимые чипсы с паприкой. Мортье перчил любую еду. Может, хотел лишний раз напомнить о своем задиристом, колючем и неуживчивом характере. Вик был с ним знаком всего двадцать дней, но уже понял, что тот способен взорваться в любое время и в любом месте.

¹ «Рикар» — анисовый аперитив, очень популярный во Франции; закусывают его оливками.